

УДК 159.9.019

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ¹

© 2019 г. Н. В. Борисова

Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
истории психологии и исторической психологии.*

E-mail: borisova07@bk.ru

Поступила 31.01.2019

Аннотация. Поставлена проблема отчуждения человека от бытия в эпоху постмодерна, на психологическом уровне выражающаяся в испытываемом современной личностью экзистенциальном вакууме, снижении способности к переживанию подлинности жизни. Утверждается, что психологическая наука, рефлексируя парадигмальные изменения, заключающиеся в исчезновении идеологических концептов, занимавших на протяжении истории человечества мощнейшие мотивационные суперпозиции, должна раскрывать механизмы, степень и результаты влияния этих процессов на личность. Показана актуальность и потенциал в осмыслении этих важнейших проблем разработанной С.Л. Рубинштейном парадигмы философской антропологии и онтологии, позволившей поставить проблему Человека в Мире и представить человека как онтологическую реальность. Утверждается, что полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование нравственному закону, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и обеспечивает внутреннюю регламентацию поведения. Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни — таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, онтология человеческого бытия, нравственный закон, этика, совесть, сознание, самоопределение, способ существования человека по отношению к бытию, постмодерн.

DOI: 10.31857/S020595920005476-9

ЧЕЛОВЕК И БЫТИЕ

Современная личность существует в мире, охваченном глобализационными процессами, разрывающими естественные связи человека с его национальными, культурными и религиозными корнями, в которых сконцентрирован духовно-нравственный опыт человечества, и создающими новую реальность, новую этику и новый взгляд на человека. В этом отношении человечество в целом и каждый конкретный человек в отдельности находятся в беспрецедентной ситуации. Это порождает попытки осмысления существования человека в новых предлагаемых обстоятельствах.

“Горизонт жизненного мира человечества”, констатирует отечественный философ В.А. Кутырев, заволкли тучи прогресса, о чем предупреждали

“чуткие к подземному гулу истории” мыслители еще в начале XX в. В разных облачениях — “пост-человека”, трансгуманизма и т.п. — распространяется “немыслимая в доинформационную эпоху идеология обесценивания человеческого”: “человеческий фактор” — главный виновник аварий, кризисов, слабое звено производства [11, с. 67].

Изменения носят парадигмальный характер, так как затрагивают все виды человеческой деятельности, в том числе науку в целом и психологическую науку в частности. Так, Е.Е. Соколова в статье «Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания “сетевой парадигмы” современной психологии» [22] указывает, что часть современных методологов психологической науки рассматривает *постмодернистскую парадигму*, также называемую “сетевой”, как наиболее перспективную. Так как методологические установки постмодерна связаны со “смещением

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2019-0006.

интереса от универсальных законов — к уникальным событиям, от эмпирических фактов и правил — к поиску смыслов и интерпретации фактов в изменяющихся ситуативных контекстах” [4, с. 53–54], важность обретают “субъективность, ситуативность и относительность истины” [22]. Постмодерн демонстрирует когнитивный сдвиг фокуса исследования от универсализма к плюрализму. “Больше нет некоей конкретной реальности, которую надо адекватно отображать в науке. Есть множество реальностей, сливающихся в один полифонический фон. Традиционный для философии вопрос о сущности истины трансформируется в парадокс фиктивности абсолютной истины как явления” [19, с. 1279]. С точки зрения Соколовой, мышление антиномиями является шагом назад от диалектики, оно было “снято” именно диалектикой в истории развития философской и научной мысли. Т.В. Корнилова отмечает, что системное видение мира требует гораздо больше “методологических усилий”, нежели простое принятие множественности методологических позиций [10, с. 115].

Проблема *отчуждения человека от бытия* напрямую связана с процессом, названным немецким социологом и философом М. Вебером (1864–1920) “расколдовыванием мира” [3]. Этот процесс характеризуется возрастанием роли интеллектуализации и рационализации в жизни общества. Так, отечественный философ П.А. Флоренский (1882–1937) отмечает, что для человека античного и человека средневекового “пространство — не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а само — своеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение” [24, с. 96]. Согласно канадскому философу М. Маклюэну, смена средневекового восприятия пространства и времени ренессансным обусловила переход от инклюзивного восприятия мира к эксклюзивному [13]. Современная культура постмодерна является результатом скачкообразного развития капитализма в XX в., его переходом в мультинациональную стадию [5]. Капитализм глобального уровня привел к оккупации идеей потребления всех сфер бытия индивида, к экспансии капитала в ранее “неподвластную” ему сферу философии и культуры, обусловившей ее существенную деформацию [18].

Сущность постмодерна, по Ж.-Ф. Лиотару [12], заключается в систематическом *исчезновении идеологических концептов, занимавших на протяжении всей истории человечества мощнейшие мотивационные суперпозиции*. Взамен утраченных нарративов приходит эпоха ситуационности,

перформативности восприятия, дискретности суждений, отсутствия единых идейных принципов. В ситуации постмодерна человек волен выбирать те аксиологические, мировоззренческие, эстетические ориентиры, которые являются лично для него приемлемыми и комфортными. Человеку предоставляется разнообразие в выборе товаров ежедневного пользования, культуры, религии и даже собственного гендера [18].

Процесс освобождения индивида от таких ценностей, как истина, разум, добро, справедливость и т.д., ведет к потере способности оценивать явления, исходя из их объективного морально-нравственного содержания. Единственной универсальной нормой становится *толерантность* как право каждого индивида отстаивать *свою собственную*, выгодную для него “истину”, свободную от объективности и общезначимости [18]. Толерантность, “сглаживающую острые углы и не допускающую проявления крайностей”, современный отечественный композитор, мыслитель, писатель В.И. Мартынов сравнивает с шахматной доской, на которой в силу каких-то причин вдруг исчезли черные и белые клетки, и вся доска стала равномерно серой. “И пусть даже черные и белые фигуры останутся прежними и их можно будет передвигать, но никакой игры уже не получится, ибо с точки зрения шахматных правил все эти передвижения будут абсолютно бессмысленны” [14, с. 36–37].

К.А. Абульханова отмечает, что постмодернистская эпоха привела к *отчуждению естественных гуманных человеческих чувств*. Это отчуждение “на психологическом языке можно назвать импотенцией, т.е. отсутствием способности к подлинности жизни” [2, с. 292]. Новые мировоззренческие установки, обнуляя смыслы, отвергая абсолютные ценности, разрывая связь человека с бытием, рожают *экзистенциальный вакуум*, о котором писал В. Франкл [25]. Во времена Фрейда проблемным полем личности была сексуальная неудовлетворенность, Адлера — комплекс неполноценности, в наши дни, констатирует Франкл, пациенты жалуются главным образом на чувство внутренней опустошенности, которое возникает от ощущения *бессмысленности жизни*. Данные невротические расстройства, названные им “ноогенными неврозами”, обусловлены столкновением моральных принципов, разочарованием в жизни. В “обществе изобилия” создаются условия для удовлетворения потребностей личности, но не создаются условия для поддержания ее *стремления к смыслу*. Первостепенное значение для постижения сущности человека, считает Франкл, имеет психический феномен, который он называет “*самотрансцендентностью*”

человеческого бытия”. Речь идет о том, что человек в жизни всегда стремится выйти за пределы своей личности, тянется к чему-то большему, будь то предназначение, которое ему нужно исполнить, или любовь к другому человеку. Человек раскрывается в служении своему делу или в любви, и чем сильнее он отдается этому, тем больше в нем человечности, тем ближе он к самому себе.

Стремление к смыслу, по мнению Франкла, является стержневым фактором выживания личности. Если человек не способен ориентироваться на *совесть* и понимать суть требований, которые предъявляет жизнь, ему остается либо делать то, что делают другие, т.е. стать конформистом, либо делать то, чего хотят от него другие, т.е. стать жертвой тоталитаризма. *Лишь человек с беспокойной совестью способен противостоять и конформизму, и тоталитаризму*. “Один из важнейших уроков, которые я усвоил в Освенциме и Дахау, заключается в том, что в нечеловеческих условиях способен выжить лишь тот, кто устремлен в будущее, кто верит в свое призвание и мечтает выполнить свое предназначение. Разве то, что влияет на жизнь отдельного человека, не оказывает такое же влияние на жизнь всего человечества? Может быть, и человечеству удастся выжить лишь в том случае, если мы все объединим усилия в стремлении к общечеловеческому смыслу?” [25, с. 22].

Убедительным предостережением для всех нас в этом плане является роман-антиутопия О. Хаксли “О дивный новый мир”. В романе описывается общество, в котором власть получили технократы, а наука, отбросив истину как высшую ценность, перенесла свое внимание на “насушенные сиюминутные проблемы”. Результаты предельной рационализации общественной жизни таковы: “нивелировка индивидуальности, убийство еще на ранней стадии малейшего интереса к достижениям человеческой культуры, гуманитарная неграмотность толпы”, но самое важное — *революционные подмены в этической сфере* [17]. “Все счастливы. Все получают то, чего хотят, и никто никогда не хочет того, чего он не может получить. Они обеспечены, они в безопасности; они никогда не болеют; они не боятся смерти; им не досаждают отцы и матери; у них нет жен, детей и возлюбленных, могущих доставить сильные переживания. Мы адаптируем их, и после этого они не могут вести себя иначе, чем так, как им следует” [26, с. 46].

Истинная человечность, указывает Абульханова, опирается прежде всего на личностно-психологическую основу, ей “обеспечивается, из нее вырастает и ей поддерживается”. Эта основа — качество личности как субъекта. Из этого следует, что

человечество, переживая цивилизационный кризис, имеет один шанс обретения качества субъекта. Этот шанс оно имеет в лице своих индивидов — “микрочастиц в масштабах мироздания” [1]. Можно только согласиться с отечественным режиссером А.А. Тарковским, высказавшим мысль, что жизненно необходимо пробудить в человеке *чувство собственного достоинства*. “Это создаст условия, при которых его внутренний мир будет заслуживать уважения” [23, с. 159].

ЧЕЛОВЕК КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Психологическая наука должна, в свою очередь, рефлексирова происходящие изменения, помочь человеку пересмотреть свой способ существования по отношению к бытию. Для этого необходимо поставить и планомерно решать задачу раскрытия *онтологических принципов существования человека в мире*. Отечественная психология имеет уникальный опыт осмысления данной фундаментальной проблемы. Целостность миропонимания (недифференцированность и нерациональность мышления), как справедливо отмечают А.С. Запесоцкий, А.П. Марков, является отличительной чертой отечественной философско-психологической мысли. Еще со времен просветителя славян Кирилла на Руси стала формироваться традиция мышления, существенно отличающаяся от западной, с ее доминированием схоластики, с высоким уровнем развития понятийно-теоретического аппарата. Для отечественной традиции характерна *сопричастность познающего разума бытию*, “реальное единение познающего и познаваемого”, когда акт познания выполняет не только гносеологические, но и онтологические функции [8].

Непревзойденной фигурой в отечественной и мировой психологии, разработавшей “парадигму философской антропологии и онтологии, позволившую поставить проблему Человека в Мире, и человека представить как онтологическую реальность”, является Сергей Леонидович Рубинштейн [2, с. 17].

Жизнь и деятельность в особый исторический период позволили ученому, стремящемуся к последовательному изучению человека, увидеть в человеке два полюса и построить на этом *концепцию становления личности — движение от состояния небытия к состоянию бытия*. Опыт жизни в советском обществе принес одновременно со знанием и разочарование: С.Л. Рубинштейн воочию наблюдал

уничтожение человеческого в человеке, опустошение, внутреннее обнищание, потерю человеком себя, “сердцевины своего существования” и сделал вывод: если политика становится выражением тоталитарного способа организации общества, она оказывается полностью противоположна этике. Общество абсолютного тоталитаризма, социального принуждения и уничтожения всякого достоинства человека воспринимает человека как “маску” — носителя определенных общественных функций. «Ленин <...> определил общество как “фабрику” и “контору”, а людей как служащих в ней» [21, с. 119].

Для Рубинштейна *проблема человека* принципиально определяется проблемой *способа существования человека в соотношении его с бытием*. Ее решение направлено против отчуждения как человека от бытия, так и бытия от человека. Содержание этого отчуждения заключается либо в идеалистическом вынесении сознания за пределы бытия, в отрыве чистого сознания от реального человека как субъекта познания, либо в сведении бытия только к вещиности. Для всего сущего, утверждает ученый, необходимо признать приоритет аспекта бытия над аспектом сущности. “Исходя сначала из сущности, отделенной от бытия, затем никакими ухищрениями <...> не прийти к доказательству бытия, существования. Из него надо исходить как из первичного. Не бытие есть свойство (предикат) какого-нибудь качества, качественной определенности (сущности), а та или иная качественная определенность есть свойство или предикат чего-то сущего” [21, с. 22]. Представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе для ученого — фикция. «Человек как абсолют, как “вещь в себе”, как нечто обособленное и замкнутое в себе — это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто несуществующее — ничто» [21, с. 5].

Рубинштейн вводит понятие “*нравственное законодательство*”. Через призму онтологии закон понимается как явление не внешней, формализованной государством и выражающей волю суверена (положительное право), но внутренней регламентации поведения. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через этику. Основная онтологическая задача субъекта полностью соответствует основной этической задаче. Базовое положение, которое отстаивает ученый: *этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения*.

Рубинштейн выделяет два принципиально различных понимания *этики*. Одно из них принадлежит

И. Канту, и ошибка Канта, по мнению Рубинштейна, состоит в раскалывании надвое человеческого бытия посредством утверждения трансцендентности ценностей. В.В. Знаков разделяет эту позицию: в интерпретации Канта *нравственный закон оказывается чисто формальным, связанным с априорными моральными нормами и не зависящим от конкретного морального содержания поведения человека (его установок, целей, знаний, ценностных ориентаций)*. “Хотя такие нормы и называются моральными, по существу они имеют правовой характер” [9, с. 44]. Подлинная этика, настаивает Рубинштейн, обращена против формальных законов кантовской этики как формы этических отношений. *Полноценным по отношению к другим людям может быть только человек с полноценным отношением ко всему в бытии*. Этика — это поднятие человека на высшую ступень бытия.

Внутреннюю инстанцию, которая непрерывно морально реагирует на все, что происходит и что человек делает, мыслитель называет *совестью*. Необходимым условием «наличия» совести у человека является *переход представлений о добре и зле из сферы абстрактных положений, о которых ему известно, в сферу непосредственных переживаний*. «Голос совести — переживание конфликта или разлада, неадекватности между тем, что человек непосредственно переживает (а не только абстрактно признает) как добро, и тем, что он делает или допускает (или упускает) <...> Это “суждение”, суд, осуществляющийся в виде непосредственной реакции, непосредственного переживания чего-то как добра (или зла) и обусловленной им произвольной реакции на все моральное (этическое) по содержанию» [21, с. 214–215]. *Добро Рубинштейн рассматривает не только в аспекте характера отношений к другим людям, но и как содержание жизни человека*.

Проблема познаваемости бытия, соотношения познающего и бытия как объективной реальности предполагает различение объективного, трансцендентного бытия и субъективно-познавательного, имманентного — бытия не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде. Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность — первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. “Непосредственная чувственность бытия — это факт, данность существования с едва лишь намечившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью” [21, с. 28]. Далее

включается опосредованное познание процессом *мышления*. Здесь процесс взаимодействия с реальностью гораздо более опосредованный и осложненный множеством “отходов” от непосредственного контакта с реальностью, от взаимодействия с ней.

Познание не исчерпывает сущего мышлением принципиально. Проблема познания выступает не как обособленный гносеологический аспект изолированно от взятого отношения человека к бытию, но связана с *проблемой человека как субъекта действия*. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершаются “общение” человека и сущего, взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и регуляции этих действий *сознанием*. “Существовать — это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения” [21, с. 27]. *Действие, которое своим содержанием имеет этическое содержание общеобязательной значимости, т.е. определяется нравственным законом*, Рубинштейн называет *деянием*: “Закон делает деяние деянием, не личность и не Я” [21, с. 169]. Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний — как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое само есть этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается бессодержательно-формалистичной, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния — только манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он не этический субъект, а лишь некоторое психологическое образование.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если *принцип автономии* в первую очередь определяет *отношение субъекта и закона*, то *отношение субъекта и деяния* Рубинштейн определяет через *принцип самоопределения*. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому нравственное совершенство есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. “Эта бесконечная задача, как само время, означает *бесконечный процесс*, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен” [21, с. 172].

Через объективность этического содержания и принцип автономии Рубинштейн раскрывает *проблему свободы*: “Я как этический субъект определяюсь в своих действиях законом, и, определяясь законом, Я свободен, потому что закон этот

выражает то, что во мне *я сам*” [21, с. 167]. Этим свобода отличается от субъективного произвола. В автономии свобода утверждается, охраняясь от опасности антиномизма, который для того, чтобы сохранить “свободу” субъекта, отвергает закон как нечто связывающее его. Таким образом, преодолевается восприятие свободы как свободы от чего-нибудь, которая в такой негативной формулировке понимается прежде всего как свобода от закона.

Этическое деяние человека предполагает другого человека как другого этического субъекта. Оно существует только в отношении к человеку как личности, в отношении к вещи есть лишь действие — физический или психический акт, но не деяние. Реализация нравственного субъекта отождествляется Рубинштейном с *единством человечества*, которое он возводит в основной принцип этики. Моральное отношение к человеку — это любовное отношение к нему. Любовь в ее онтологическом содержании — это процесс вычленения из сплетения зависимостей целей и средств особого, неповторимого существа данного человека. *Любовь к другому понимается ученым как утверждение его бытия, утверждение конкретной, в человеке воплощенной истины (добра)*. “Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него <...> вызвать его к самостоятельному бытию” [21, с. 201]. В настоящей любви другой человек существует не как “маска”, т.е. носитель определенной функции, который может быть использован соответствующим образом как средство по своему назначению, а как *человек в полноте своего бытия*. Акт или чувство ненависти, презрения есть отказ в признании, полное или частичное перечеркивание значимости бытия человека.

СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К БЫТИЮ

Рубинштейн выделяет два *способа существования человека по отношению к бытию*. *Первый* характеризуется тем, что человек находится в естественном потоке жизни и еще не в состоянии занять позицию вне ее для рефлексии над ней. *Второй* связан с появлением *рефлексии*, которая приостанавливает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. В этом втором способе существования ученый также обозначает *два пути*: либо путь к *душевной опустошенности, нигилизму, нравственному скептицизму, цинизму,*

моральному разложению, либо — к построению нравственной жизни на сознательной основе.

Людей, избравших способ существования, характеризующийся построением нравственной жизни на сознательной основе, отличает наличие собственной позиции, ярко выраженного сознательного отношения к жизни, мировоззрения, к которому человек пришел в итоге большой сознательной работы, самостоятельность мысли, небанальность чувств, сила воли, собранность, “внутренняя страстность”. “Во всякой сколько-нибудь значительной личности всегда есть какой-то отлет от действительности, но такой, который ведет к более глубокому проникновению в нее” [20, с. 638]. Глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми. “Личность — это не существо, которое просто вросло в среду; личностью является лишь человек, способный выделить себя из своего окружения для того, чтобы по-новому, сугубо *избирательно* связаться с ним. Личностью является лишь человек, который *относится* определенным образом к окружающему, сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляется во всем его существе” [20, с. 638]. Личности не чужды внутренние противоречия, в ее жизни бывают конфликты, но “сфера и реальная значимость высших ступеней сознания у нее все ширятся и укрепляются”. “Эти высшие уровни сознательной жизни не надстраиваются внешним образом над низшими; они все глубже в них проникают и перестраивают их; потребности человека все в большей мере становятся все более человеческими потребностями; ничего не утрачивая в своей природной естественности, они сами, а не только надстраивающиеся над ними идеальные проявления человека, все в большей степени превращаются в проявления <...> подлинно человеческой сущности” [20, с. 644].

Рубинштейн утверждает, что познание Мира как открытие истины — это еще и “борьба за нее — иногда героическая” [21, с. 211]. Лако-нично об этом высказался Д. Москати (1880–1927), итальянский ученый, самоотверженный врач: “Жизнь — это миг. Почет, триумф, богатство <...> преходящи. Все соблазны жизни уходят. Остается лишь вечная любовь — причина каждого доброго дела. Любовь, что переживет нас <...> Главное — люби истину. Будь тем, кто ты есть: без притворства, без страха и без оглядки. Если истина стоит тебе гонений — прими их, если стоит мучений — терпи их. Если ради истины тебе придется пожертвовать <...> своей жизнью — будь тверд в самопожертвовании” [15].

В этом плане интересны разработки А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко [7], поставивших проблему изучения “*нравственной элиты*” — малочисленной социальной категории, основное содержание жизни которой подчиняется идеалам гуманизма, добра, милосердия и т.п. Авторы выделяют признаки, которым должны соответствовать члены различных сообществ, чтобы быть отнесенными к этой категории: участие в общественно полезной деятельности, приносящей пользу социуму, т.е. служащей благим, гуманным целям, с использованием для их достижения средств, не наносящих вреда окружающему природному и социальному миру или предотвращающих, минимизирующих и компенсирующих этот вред; строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека; способность к решению нравственных задач и проблем, трудностей и конфликтов, разрешению нравственных противоречий, причем как своих, так и других людей; способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере, что может осуществляться самыми разными способами, например путем убеждения и разъяснения, косвенным путем (личным примером и т.п.) или через воздействие на нравственность общества посредством продуктов труда, произведений искусства и т.д.; оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения в социальных группах, которое усиливается в виде выраженного побуждения, стремления жертвовать различными ресурсами (временем, материальными средствами, разными видами человеческих усилий, энергии и т.п.) ради других людей и общества в целом, склонность к занятиям благотворительной деятельностью и альтруистическому поведению и т.д.

Изучение данной категории людей позволяет не только “вскрывать механизмы и закономерности формирования нравственного сознания” [7], но и решать поставленную Рубинштейном проблему способа существования человека по отношению к бытию, имеющую отражение в его *мировоззренческих чувствах*, выражающих общие более или менее устойчивые мировоззренческие установки [21]. С.Л. Рубинштейн уверен, что вместо поисков одного общего чувства должна быть выявлена вся палитра красок, тональностей чувств, через которые человек, подобно художнику, видит и воспринимает мир. От этого обобщенного, итогового отношения субъекта к жизни зависит и его поведение в любой ситуации и степень зависимости его от этой ситуации.

Внутренний мир избравших противоположный модус существования по отношению к бытию,

характеризующийся *душевной опустошенностью, нигилизмом, нравственным скептицизмом, цинизмом, моральным разложением*, открывается нам в произведении Ф.М. Достоевского. С особой тщательностью им были проработаны психологические портреты так называемых “*подпольных людей*”. Писатель передал нюансы отношения к ближним, семье, Родине, миру в рамках одной личности. С.А. Никольский сделал интересные обобщения относительно изображаемых Достоевским персонажей. По его мнению, они практически лишены тех связей с миром, на которых до Достоевского всегда акцентировала внимание русская классика. Живущие, за редким исключением, только в городах, они не подозревают о возможных глубинных связях человека с природным миром. “Подпольные”, кажется, никогда не поднимают голову и потому не подозревают о существовании неба. Даже деревья для них закрыты заборами и домами. Такие люди не заботятся о согласовании своих взглядов, привычек и способов жить с заветами и традициями предков: часто они люди почти безродные. Дела их, даже когда они заняты “службой” или “уроками”, вряд ли можно назвать конструктивными и созидательными. Персонажи Достоевского внутренне противоречивы, “pro” и “contra” в них постоянно конфликтуют между собой, а само состояние конфликта и есть их настоящая жизнь [16].

Рубинштейн предлагает уникальный подход к анализу поведения человека — «“психоанализ” принципиально нового стиля» [21, с. 103]. Расшифровке должен быть подвергнут смысл поступка через то, как он входит в общий “замысел”, в *план жизни человека*. Этот анализ предполагает раскрытие как смысла и значения явления (предмета), который служит двигателем поведения, в детерминации поведения играющего роль внешнего “двигателя”, так и внутренних условий человеческого действия (мотивов). Интерпретация человеческого поведения через раскрытие *подтекста поведения*, того, что человек “имел в виду” своим поступком, аналогична интерпретации речи, поскольку происходит *расшифровка смысла и значения поведения*. Рубинштейн пишет о “семантике” поведения, которая включает в качестве основной “единицы” психическое, сознание. Смысловой анализ человеческого поведения выступает как путь раскрытия духовной жизни человека для определения того, что для него значимо, как происходят изменение аспектов, переоценка ценностей.

С.Л. Рубинштейн настолько опередил свое время в своих методологических разработках, что спустя десятилетия с момента написания его работ психологическая наука все еще не имеет

адекватных методических приемов для проведения подобных исследований. Однако возможность поступиться к такого рода анализу должна быть найдена, и она, без сомнения, откроет еще одну дверь к пониманию глубоких, уникальных идей, выдвинутых выдающимся отечественным ученым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная и педагогическая деятельность С.Л. Рубинштейна уже способствовала сохранению психологии в 20–30-х годах XX в. “в ситуации скрывавшихся под лозунгом перестройки психологической науки тенденций, объективно направленных на ликвидацию психологии и замещение ее механистическими, поведенческими и педологическими концепциями” [6, с. 76]. На рубеже тысячелетий разработки ученого отвечают и новым, уже глобальным вызовам. Такая неослабевающая и даже *возрастающая актуальность* — следствие универсальности, целостности, фундаментальности его подхода, интереса не к «исторически конкретному человеку с признаками особенного, отвечающего конкретному обществу», но к человеку, обладающему “признаками всеобщности как в плане сознания, познания, так и действия”, формирующими основу “*онтологии*” человека, *фундаментальных принципов его существования* [21, с. 63].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Идеальность или реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Моросановой. М.-Ставрополь: Издательство ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 31–45.
2. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
3. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. СПб.: Университетская книга, 2016.
4. *Гусельцева М.С.* Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 34–56.
5. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
6. *Ждан А.Н.* Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20-е — 30-е годы) // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 75–85.

7. Журавлев А.Л., Куррейченко А.Б. Нравственная элита в российском обществе: концептуальные основы психологического исследования // Методологический семинар. 2010. № 2 (23). С. 28–34.
8. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Д.С. Лихачев у истоков культурологической парадигмы // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 163–176.
9. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
10. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс в психологии: Критерии и признаки. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 111–125.
11. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66–79.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
13. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего М.: Академический проект, 2005.
14. Мартынов В.И. 2013 год. М.: Изд. дом “Классика-XXI”, 2016.
15. Москати Д. Джузеппе Москати: Исцеляющая любовь [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kmS_UYenqzE (дата обращения: 19.01.2019).
16. Никольский С.А. Достоевский и явление подпольного человека // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 77–87.
17. Попов А. О дивный толерантный мир. Читая Замятина и Хаксли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/103783.html> (дата обращения: 10.01.2019).
18. Рендл М.В. От модерна к постмодерну: социокультурные основания парадигмальных изменений: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2017.
19. Рендл М.В. Социокультурная реальность как симулякр: плюрализм социокультурных характеристик // В мире научных открытий. 2014. № 11-3 (59). С. 1279–1292.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2018.
21. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
22. Соколова Е.Е. Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания “сетевой парадигмы” современной психологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 380–403.
23. Тарковский А.А. Страсти по Андрею: о Боге, о вере и искусстве. Тюмень: Русская неделя, 2014.
24. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Академический проект, 2013.
25. Франкл В.Э. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011.
26. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2018.

SERGEY LEONIDOVICH RUBINSTEIN AT THE TURN OF THE MILLENNIA²

N. V. Borisova

*FSFES Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaia str., 13, Russia.*

*PhD (psychology), research officer, laboratory of the history of psychology and historical psychology.
E-mail: borisova07@bk.ru*

Received 31.01.2019

Abstract. The problem of human alienation from existence in the postmodern era, which is expressed at the psychological level in the existential vacuum experienced by the modern personality, the lack of ability to the authenticity of life, is posed. It is argued that the psychological science, reflecting the paradigm changes, consisting in the disappearance of ideological concepts, occupying throughout the history of mankind powerful motivational superpositions, should reveal the mechanisms, degree and results of the impact of these processes on the individual. The article shows the relevance and potential in understanding these important problems of the paradigm of philosophical anthropology and ontology developed by S.L. Rubinstein, which allowed to pose the problem of Man in the World, and to present man as an ontological reality. It is argued that the fullness of human life in relation to the fullness of existence is determined by following the moral law, which, due to the objectivity of its content has the form of a mandatory provision and provides internal

² The state assignment of FASO RF № 0159-2019-0006.

regulation of behavior. The main objective of society is to create the prerequisites of moral life — such conditions that will contribute to the formation of an ethical subject with a full attitude to existence, another person, nature, life and death.

Keywords: S.L. Rubinstein, ontology of human existence, moral law, ethics, conscience, consciousness, self-determination, the way of human existence in relation to existence, postmodern.

REFERENCES

1. *Abul'hanova K.A.* Ideal'nost' ili real'nost' sub'ekta // Sub'ekt i lichnost' v psihologii samoreguljatsii: Sbornik nauchnyh trudov / Ed. V.I. Morosanova. M.-Stavropol': Izdatel'stvo PI RAO, SevKavGTU, 2007. P. 31–45. (in Russian)
2. *Abul'hanova K.A., Berezina T.N.* Vremja lichnosti i vremja zhizni. St. Petersburg: Aletejja, 2001. (in Russian)
3. *Veber M.* Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. St. Petersburg: Universitetskaja kniga, 2016. (in Russian)
4. *Gusel'ceva M.S.* Paradigmy v psihologii: istoriko-metodologicheskij analiz // Paradigmy v psihologii: naukovedcheskij analiz. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. P. 34–56. (in Russian)
5. *Dzhejmison F.* Postmodernizm ili Kul'turnaja logika pozdnego kapitalizma. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019. (in Russian)
6. *Zhdan A.N.* Istoricheskaja rol' S.L. Rubinshtejna v idejnoj bor'be v period perestrojki teoreticheskikh osnov psihologicheskoi nauki (20-e — 30-e gody) // Problema sub'ekta v psihologicheskoi nauke. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. P. 75–85. (in Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B.* Nравstvennaja jelita v rossijskom obshhestve: konceptual'nye osnovy psihologicheskogo issledovanija // Metodologicheskij seminar. № 2 (23). 2010. P. 28–34. (in Russian)
8. *Zapesockij A.S., Markov A.P. D.S.* Lihachev u istokov kul'turologicheskoi paradigmy // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 5. P. 163–176. (in Russian)
9. *Znakov V.V.* Psihologija ponimaniya pravdy. St. Petersburg: Aletejja, 1999. (in Russian)
10. *Kornilova T.V.* Oznachaet li svobodnaja konkurencija idej otkaz ot kriteriev nauchnosti v psihologii? // Progress v psihologii: Kriterii i priznaki. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. P. 111–125. (in Russian)
11. *Kutyrev V.A.* Krik o nebytii // Voprosy filosofii. 2007. № 2. P. 66–79. (in Russian)
12. *Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna. St. Petersburg: Aletejja, 1998. (in Russian)
13. *Makljujen M.* Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pečatajushhego Moscow: Akademicheskij proekt, 2005. (in Russian)
14. *Martynov V.I.* 2013 god. Moscow: Izdatel'skij dom "Klassika-XXI", 2016. (in Russian)
15. *Moskati D.* Dzhuzeppe Moskati: Isceljajushhaja ljubov' [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kmS_UYenqzE (data obrashhenija: 19.01.2019). (in Russian)
16. *Nikol'skij S.A.* Dostoevskij i javlenie podpol'nogo cheloveka // Voprosy filosofii. 2011. № 12. P. 77–87. (in Russian)
17. *Popov A.* O divnyj tolerantnyj mir. Chitaja Zamjatina i Haksli [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/103783.html> (data obrashhenija: 10.01.2019). (in Russian)
18. *Rendl M.V.* Ot moderna k postmodernu: sociokul'turnye osnovanija paradigmat'nyh izmenenij: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Rostov n/D., 2017. (in Russian)
19. *Rendl M.V.* Sociokul'turnaja real'nost' kak simuljakk: pljuralizm sociokul'turnyh harakteristik // V mire nauchnyh otkrytij. 2014. № 11-3 (59). P. 1279–1292. (in Russian)
20. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii. St. Petersburg: Piter, 2018. (in Russian)
21. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. St. Petersburg: Piter, 2012. (in Russian)
22. *Sokolova E.E.* Dialekticheskaja logika S.L. Rubinshtejna i A.N. Leont'eva i logicheskie osnovanija "setevoj paradigmy" sovremennoj psihologii // Paradigmy v psihologii: naukovedcheskij analiz. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. P. 380–403. (in Russian)
23. *Tarkovskij A.A.* Strasti po Andreju: o Boge, o vere i iskusstve. Tjumen': Russkaja nedelja, 2014. (in Russian)
24. *Florenskij P.A.* U vodorazdelov mysli. Moscow: Akademicheskij proekt, 2013. (in Russian)
25. *Frankl V. Je.* Stradanija ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naja psihoterapija. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2011. (in Russian)
26. *Haksli O.* O divnyj novyj mir. Moscow: AST, 2018. (in Russian)